

DOI 10.37386/2305-4077-2025-1-207-218

И. В. Фуфаева¹*Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)*

ДЕРЖИСЬ, СТАРИК. ПРАГМАТИКА ОБРАЩЕНИЯ В МИКРОКОНТЕКСТАХ

Прагматика мужского приятельского обращения *старик* (без семантики возраста) выявляется в исследовании на материале диалогических клише, содержащих обращение и глагол в императиве или форме 2 лица настоящего времени, таких как «Понимаешь, старик...», где глагол может выступать и как самостоятельное клише. Как показал анализ контекстов с обращением *старик* в основном и газетном подкорпусах Национального корпуса русского языка, не менее пятой части контекстов содержат это обращение в составе клише, набор которых не превышает двух десятков единиц, то есть употребление обращения достаточно стандартизовано. Клише употребляются в трех коммуникативных ситуациях: просьбе о прощении, просьбе о понимании и подбадривании. Рассматривается общее и особенности в прагматике данных клише. Устанавливается связь прагматики клише и исследуемого обращения.

Ключевые слова: прагматика, клише, обращения, разговорная речь, социолингвистика, гендер, коммуникация, диалог

V. Fufaeva*Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)*

DERZHIS', STARIK. THE PRAGMATICS OF CONVERSION IN MICROTTEXTS

The pragmatics of the male friendly form of address *starik* 'old man' (without the semantics of age) is revealed in the study with the help of dialogical clichés containing also the verb in the imperative or the form of the 2nd person of the present tense, such as «Ponimajesh, starik...» ("You understand, old man ..."), where the verb can act as an independent cliché. As the analysis of contexts with the form of address *starik* in the main and newspaper subcorpora of the Russian National Corpus showed, at least a fifth of the contexts contain this address as part of a cliché, the set of which does not exceed two dozen units, that is, the use of the forms of addresses is sufficiently standardized. The clichés are used in three communicative situations: a request for forgiveness, a request for understanding, and encouragement. The general and

¹ Ирина Владимировна Фуфаева – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: iriel@inbox.ru.

specific features in the pragmatics of these clichés are considered. A connection is established between the pragmatics of the cliché and the form of address under study.

Keywords: pragmatics, clichés, addresses, colloquial speech, sociolinguistics, gender, communication, dialogue

*Я позвонил Саше и произнес
все положенные слова вежливости
вроде: «Брось, старик, да знаю я тебя»
[Сергей Юрский. Теорема Ферма (1994)]*

Введение

Прагматика специализированных обращений, принятых в той или иной культуре, является важной характеристикой этой культуры в связи с культуроспецифичностью обращений, см., напр., [Шмелев, 2012]. Эти языковые единицы помогают понять характер отношений между членами общества или группы, где они используются.

Обращение может употребляться как в самом начале коммуникации, где оно служит окликом и способом инициировать диалог, так и в ходе уже идущей коммуникации. Во втором случае, в частности в ходе коммуникации со знакомым собеседником, обращение также выполняет важные функции. Прежде всего, повторяя в диалоге имя адресата (*Маши, Анатолий Яковлевич* и т. п.) или специальную лексему с функцией обращения (*дорогая, солнце, бро, голубчик* и т. п.), говорящий сигнализирует, что коммуникация продолжается. Повторение обращения является неотъемлемой частью диалогической коммуникации (см. напр., [Кронгауз, 2018]). Но влияние конкретных фрагментов коммуникации на произнесение обращения не так очевидно. Можно предположить, что произнесение обращения маркирует какие-то особенные, более важные для говорящего аспекты коммуникации.

Стандартным выбором для обращения к приятелю, другу является имя. Но иногда в ходе коммуникации говорящий заменяет имя на то или иное специализированное обращение. Примером может служить употребление особенного обращения при разговоре двух подруг на потенциально обидную и/или конфликтогенную тему: «Ну, *мать*, это ты зря». Можно предположить, что выбор вместо имени других типов обращений маркирует особенно важные фрагменты речи и может иметь разную прагматику: свойскость, возложение ответственности на собеседника, дружеский упрек и пр.

В настоящей работе исследуется прагматика употребления приятельского обращения *старик*.

Значительная доля контекстов с этим обращением содержит его в составе диалогических клише, таких как приведенное в эпиграфе «брось, старик», и анализ их употребления проливает свет на прагматику обращения. Под диалогическим клише понимаются «одно- и многословные диалогические единицы, устойчиво и стереотипно воспроизводимые, выступающие в качестве иницилирующей или ответной реплики, прагматически связанные с конкретным речевым актом и с конкретным классом коммуникативных ситуаций» [Брагина, 2024]. По эпиграфу, взятому из рассказа Сергея Юрского, можно понять, что рассказчик, столичный интеллигент, относит клише «*брось, старик*» к «положенным словам вежливости», то есть этикетным формулам, характерным для приятельского общения.

Лексикографическая фиксация обращения *старик* произошла очень поздно, только в XXI веке, см. «**старик 4. разг.** Употребляется как фамильярно-ласковое обращение к давнему другу, приятелю» [Новый словарь русского языка, 2000] и «*старик 5* – «Дружеское **обращение** к приятелю (**разг.**)» [Ожегов, 2006]. При этом сейчас обращение *старик* воспринимается как устаревшее – этот вывод можно сделать на основании нашего опроса по теме неформальных обращений, проведённого в 2019 г., обсуждений данного обращения на научных конференциях² и использования метода языковой интроспекции.

Хотя пик популярности приятельского обращения *старик*, что следует из анализа Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), действительно приходится на оттепель, непосредственное наблюдение за разговорной речью показывает, что оно изредка еще употребляется, в частности в журналистских и писательских кругах в речи среднего и старшего поколения. Автор настоящего исследования впервые столкнулся с его употреблением в 2017 г. в устной коммуникации двух журналистов «Известий».

Тема профессиональных и других кругов, в которых использовалось и используется приятельское обращение *старик*, его социальной базы упомянута неслучайно: этот аспект крайне важен для его возникновения и функционирования.

Вопрос о времени возникновения и социальной базе приятельского обращения *старик* уже затрагивался ранее в работах [Фуфаева, 2020; Фуфаева, 2022a].

² Всероссийская научная конференция «Язык и методы его описания-2023», 3–4 окт. 2023 г., РГГУ, Москва и научная конференция с международным участием «Человек в коммуникации: категория вежливости и речевая агрессия», 16–18 мая 2024 г., Калининград.

Можно полагать, что приятельское обращение *старик* не связано напрямую с обращением *старик* с семантикой пожилого возраста, с помощью которого в XVIII – первой пол. XX в. в основном обращались к пожилым мужчинам более низкого статуса, ср.: – *Вот что, старик, – начала Фекла, заглядывая ему пристально в лицо, – ступай-ка ты лучше от нас с богом...* [Д. В. Григорович. Бобыль (1847)].

Впервые приятельское обращение *старик* появляется в художественной прозе в 1910-е гг.; в 1920-е фиксируется в речи представителей богемы. Ср. такое обращение друг к другу героев рассказа В. П. Катаева, прототипами которых стали одесситы Эдуард Багрицкий и Юрий Олеша, на тот момент молодые начинающие поэты: – *А, старик! – воскликнул Эдуард. – Давно я тебя не видел. Где тебя носили черти?* [В. П. Катаев. Бездельник Эдуард (1920)].

Писатель Василий Аксенов считал обращение возникшим в речи именно одесской литературной богемы 1920-х, аргументируя в том числе юношеским прозвищем в этих кругах Валентина Катаева «Старик Собакин» [Аксенов, 2004].

Есть основания видеть в первоначальном употреблении обращения в творческих кругах влияние аналогичных приятельских мужских обращений в европейских языках, скорее всего, франц. *mon vieux*, сначала, возможно, использовавшегося в речевой игре. При этом в текстах, включенных в НКРЯ, обращение всегда употребляется мужчинами. Таким образом, социальные характеристики лиц, употребляющих исследуемое обращение (мужской гендер, связь с творчеством, в частности литературным) важны для понимания не только его функционирования, но и возникновения.

Диалогические клише, включающие обращение *старик*

Исследуемое обращение анализировалось на материале данных основного и газетного подкорпусов НКРЯ. Поиск контекстов, содержащих нужные единицы, трудоемок из-за необходимости их отделения от обращения *старик* в прямом значении к пожилому человеку (слуге, извозчику, денщику и пр.), что окончательно выходит из употребления, судя по НКРЯ, только в середине XX в., а как историзм может употребляться и в современных текстах.

Ручной поиск, в ходе которого иногда приходилось обращаться и непосредственно к оригинальному тексту, показал наличие в упомянутых подкорпусах НКРЯ около 1100 контекстов, содержащих обращение *старик* именно в качестве приятельского обращения без семантики возраста и написанных

с 1909 года по настоящее время. Как правило, это фрагменты документальных текстов (мемуары, дневники, письма), произведений публицистического жанра с передачей речи реальных людей или художественной прозы автобиографического характера, такой как повесть «Подросток Савенко» Эдуарда Лимонова.

Как выяснилось, около 20% (пятой части) контекстов содержат обращение *старик* в составе клише. Во-первых, это клише, включающие, помимо самого обращения, глагол в одной из двух форм: императиве, напр., *брось, старик* или форме 2 л. наст. вр., напр., *знаешь, старик* (всего 195 контекстов на оба подтипа, с императивом и 2 лицом), и полностью аналогичные им с точки зрения функции и прагматики клише *ладно, старик* (6 контекстов) и *ничего, старик* (6 контекстов). Во-вторых, это клише «*старик, ты гений*» (17 контекстов), подробно описанное в статье [Фуфаева, 2022а], поэтому здесь рассматривается только клише первого типа.

Глагольная часть клише типа *брось, старик*, не отличается разнообразием; она представлена 16-ю словоформами и еще меньшим количеством корней (13): *понимаешь, пойми, знаешь, слушай, послушай, слышишь* (с вариантом *слышь*), *видишь, извини, прости, не обижайся, не сердись, держись, брось, не огорчайся, не падай духом, не парься*. Среди словоформ 12 императивов: *пойми, слушай, послушай, извини, прости, не обижайся, не сердись, держись, брось, не огорчайся, не падай духом, не парься* и 4 формы 2 л. наст. вр: *понимаешь, знаешь, слышишь (слышь), видишь*. Пример: *Не сердись, старик, за прямому, но пишешь ты не по-современному. Ты же талантлив, у тебя есть истинно художническое видение мира, но стилистика твоего письма, согласись, несколько архаична* [С. И. Шуртаков. Там, за небосклоном... (1973)].

Каждая из перечисленных словоформ может выступать и часто выступает и самостоятельно как речевое клише. Например: – *Я слышала, у вас... когда уходят от них, то...* – **Брось!** – резко сказал Егор. И еще раз сказал: – **Брось** [Василий Шукшин. Калина красная (1973)].

При этом сводить сегменты типа «*брось, старик*» к сочетаниям однословных клише типа «*Брось!*» и обращения *старик*, как представляется, нельзя. Дело не только в том, что эти сочетания устойчиво воспроизводимы, а следовательно, принадлежат языку, а не только речи, но и в том, что у них развивается другая прагматика, включающая выражение дружбы (и, в некоторых случаях употребления, функция, близкая к этикетной). Однословное клише «*Брось!*» нельзя отнести к «положенным словам вежливости», а вот клише «*Брось,*

старик!», как следует из приведенной цитаты из рассказа Сергея Юрского, таковым счесть можно. То же можно сказать и об остальных таких единицах.

Каждое из клише в речи представлено не только стандартным вариантом, но и формальными разновидностями с незначительными прагматическими нюансами, например: *видишь, старик – ты видишь, старик и старик, видишь; знаешь, старик – старик, знаешь; ты знаешь, старик; сам знаешь, старик*. Например:

– **Видишь, старик**, – сказал он, когда мы, закутив, перешли на «ты». – *Видишь, я сначала немного растерялся. Мы – поколение романтиков, зубры эпохи Братской ГЭС, мы вечно носились с какими-то своими идеями, мыслями, планами – пускай незрелыми, пускай несбыточными, пускай иногда никому не нужными* [Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)].

Когда я подошел к его кровати, он улыбнулся; слабым движением руки, сжатой в кулак, – я знал, что это движение причиняло ему боль, – дотронулся до моего бока и сказал: – Ты видишь, старик, мы все-таки живы [Г. А. Газданов. Эвелина и ее друзья (1968)].

Знаешь, старик, в этом ключе я и себя объявляю предателем. Я предаю свои пафосные антипредательские стихи, как будто это просто стая воробьев у меня изо рта вылетела [Василий Аксенов. Тайственная страсть (2007)].

Девушки приходят и уходят. Сам знаешь, старик! [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)].

Такие разновидности в данном исследовании считаются вариантами одного и того же клише и не учитываются отдельно.

Что же касается сочетаний обращения *старик* с теми же глаголами, но другой прагматикой, например, в контексте разъяснения или вопроса, то они не считаются разновидностями тех же клише, не входят в их число и не исследуются здесь непосредственно, хотя, разумеется, и в них обращение *старик* играет важную прагматическую роль. Пример такого контекста: *Он встревоженно сказал: – Старик, знаешь, что у нас случилось? Таня умерла* [Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984–2001)].

Количество всех типов клише в основном и газетном подкорпусах НКРЯ отражено в Таблице 1.

Таблица 1.

Количество клише разных типов, включающих приятельское обращение «старик», в основном и газетном подкорпусах НКРЯ

№	Глагол / предикатив	Шт.
1	Извини	45
2	Прости	10
3	Не обижайся	2
4	Не сердись	1
5	Понимаешь	41
6	Пойми	7
7	Знаешь	21
8	Видишь	3
9	Слушай	29
10	Послушай	10
11	Слышь	3
12	Слышишь	1
13	Брось	10
14	Держись	8
15	Не огорчайся	2
16	Не падай духом	2
17	Не парься	1
18	Ничего	6
19	Ладно	6
20	Ты гений	17

Семантика и прагматика контекстов с обращением *старик* в составе клише

Как видно по таблице, в семантическом плане глагольные формы в составе клише относятся к 4 смысловым группам: вина/обида/прощение (*извини, не сердись*), когнитивная деятельность (*знаешь, пойми*), сенсорное восприятие (*видишь, слушай*), эмоциональное состояние (*держись, не огорчайся, не парься*).

Наиболее частотным в исследуемом материале является клише *извини, старик* (45 контекстов). Далее среди самых частотных: *понимаешь, старик* (41 контекст), *слушай, старик* (29 контекстов), *знаешь, старик* (21 контекст), *брось, старик, прости, старик* и *послушай, старик* (по 10 контекстов у каждого).

Каждое из частотных клише имеет ряд менее частотных синонимов, для которых оно служит доминантой.

Для клише *извини, старик* синонимами служат *прости, старик, не обижайся, старик, не сердись, старик*: 10, 2 и 1 контекст соответственно, всего 57 случаев клише извинения (при этом в контексте функцию извинения могут выполнять и другие клише, в первую очередь, *понимаешь, старик*). Многочисленность таких контекстов говорит о характерности употребления обращения *старик* в коммуникативной этикетной ситуации извинения.

Менее очевидна ситуация с синонимами высокочастотного клише *понимаешь, старик*, как правило, выражающего просьбу к собеседнику понять личную ситуацию говорящего. Дело в том, что подразумеваемый смысл не всегда совпадает с лексическими значениями глагольных форм, т. е. часть клише употребляется имплицитурно. «*Слышишь / видишь / знаешь / слушай* (и др.), *старик*» также подразумевает «пойми меня», причем имеется в виду понимание эмоционального отношения говорящего к важной для него ситуации, и эти клише употребляются как синонимичные для клише *понимаешь, старик*.

В приведенных выше примерах из произведений Евгения Попова, Г. А. Газданова и Василия Аксенова говорящий делится с адресатом сложным, тонким, необычным, эмоционально очень сильным переживанием. С помощью клише он одновременно и транслирует, что сейчас поделится чем-то сокровенным, и как бы закликает адресата почувствовать это сокровенное как свое, слиться с говорящим в восприятии ситуации, о которой идет речь, причем глагольные формы с разными лексическими и грамматическими значениями используются очень похоже. В НКРЯ есть и другие контексты с подобной прагматикой, и немало:

*Утром она уходит от меня и говорит в дверях: «Я тебе позвоню». Я диктую телефон, она записывает. А потом... так помедлив-помедлив... и спрашивает: «А кого... позвать?» Я называюсь. И уже ее спрашиваю: «А кто мне позвонит?» И **знаешь, старик**, она вдруг всплеснула руками*

и так замечательно воскликнула: «Ужас!» Всего-то слов! А в них любовь, ночь, страсть – и такое одиночество! [Эдвард Радзинский. Наш Декамерон (1980–1990)].

Да дело не в этом, понимаешь... Я однажды на практике, на пятом курсе, видел, как она работает. Я просто обалдел! **Слышь, старик**, – Витя уже обращался не ко мне, а к моему мужу, который только и мог оценить – как там по-особенному работала художница. – Она последние мазки наносила пальцами, всеми десятью, как на органе играла, – сглаживала переходы, втирала один тон в другой... Впечатление было, что она создает их, свои картины, из какой-то особой живой глины, прямо лепит живое в полотно... [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)].

Понимаешь, старик, понимаешь... Мы – люди шестидесятых годов с их прыгающей походкой... Цитата? Конечно... Точнее будет, мы – люди пятьдесят шестых и шестидесятых годов с их баскетбольной походкой, джазом, с «не согласен я с таким названьем – «оттепель», целиной, космосом, Иосифом, костром романтики, роком «на костях», возмужаньем, испытаньем, сомнением, гореньем, бореньем и всем прочим такого же сорта и порядка [Евгений Попов. Пивные дрожжи (1970–2000)].

С помощью используемых клише говорящий транслирует адресату идею полного взаимопонимания между ними, а в некоторых случаях – и полной духовной близости. С точки зрения интенций говорящего это своего рода попытка индуцировать адресату собственное отношение к ситуации на основе близости или, как минимум, определенной общности коммуникантов. Просьбу о понимании выражает самое значительное количество контекстов с исследуемыми клише, то есть соответствующие коннотации являются для обращения крайне важными, устойчивыми.

Наконец, для клише *брось, старик*, обычно выражающего подбадривание, синонимами служат *держись, старик, не парься, старик, не огорчайся, старик, не падай духом, старик, ладно, старик, ничего, старик*. Например:

В последнее время Юрий Саульский тяжело болел. Однако друзья и коллеги все надеялись, что 74-летний композитор оправится. **«Держись, старик, осенью нас ждут великие дела!»** – подбадривали они, зная любовь Юрия Сергеевича к джазу и то, что с сентября на Москву начнется длительное нашествие джазовых фестивалей [Ольга САПРЫКИНА. «Черный кот» осиротел // Комсомольская правда, 29.08.2003]

– **Не огорчайся, старик**, – Волошин утешает, – скоро и у нас будет сокрушительный взлет в футбольной сфере [Титус Советологов. Рабы немцы // Независимая газета, 22.07.2000].

Я говорю ему: «**Не падай духом, старик**. У меня был рак почки. Доктор сказал, что года не протяну. В результате почку мне удалили» [Сергей Довлатов. Записные книжки (1990)].

Итак, разнообразные клише, включающие обращение *старик*, обслуживают всего три, при этом действительно важные и эмоционально насыщенные, интенции говорящего: просьбу о прощении, просьбу о понимании и подбадривание.

Социолингвистические особенности, способствовавшие развитию прагматики обращения

Существенную роль в функционировании и описываемых диалогических клише, и обращения *старик* в целом, как упоминалось, играют социальные характеристики их носителей. Как показывает анализ контекстов, коммуникация часто происходит внутри одной профессиональной сферы; обычно это коммуникация журналистов (в том числе сотрудников одной редакции), поэтов, музыкантов, художников и пр., реже ученых; с помощью клише типа *знаешь, старик, понимаешь, старик* коммуниканты побуждают друг друга к взаимопониманию не обязательно в отношении тонких и сложных переживаний, но всегда в отношении эмоционально насыщенных ситуаций, которые часто важны для говорящего именно в профессиональном плане; например, говорящий сетует, что его не приглашают выступить.

Социолингвистический аспект употребления клише с обращением *старик* проливает свет на прагматику самого обращения. По-видимому, то, что в коммуникации его часто употребляют люди одной и той же творческой профессии, «бранжи»: писатели, музыканты, иногда сотрудники одной газеты, иногда партнёры по совместному творчеству, – развило у обращения *старик* коннотации цехового братства, и, употребляя обращение, говорящий напоминает и транслирует адресату идею этой цеховой близости и побуждает к ней.

Вторым ярко выраженным социолингвистическим параметром является гендерный. Практически всегда это мужская коммуникация, удовлетворяющая требованиям к таковой; большая доля имплицатуры, подразумеваемых, непроговариваемых, невыражаемых напрямую чувств и побу-

ждений, возможно, связана с необходимостью быть сдержанным, не выражать, а подразумевать то, что относится к сфере чувств или просьбе; обращение вобрало в себя функцию выражения тепла, дружеских чувств и пр.

Заключение

Прагматика обращения *старик* помогает лучше понять характер дружеских, приятельских мужских отношений в интеллигентной среде XX века, особенно в творческой. Судя по микроконтекстам, обращение выражает прагматику предельной близости, доверия, исповедальности между коммуникантами, одинакового восприятия вещей, общего прошлого, реального или внушаемого. Возможно, эта прагматика связана с частой коммуникативной ситуацией взаимодействия участников общего творческого цеха, в которой обращение употреблялось, по-видимому, с самого начала, что следует из ранних примеров использования его в документальных текстах в НКРЯ.

Характерно использование обращения в рамках клише типа *прости, старик, брось старик, понимаешь, старик*, маркирующих три коммуникативных ситуации: просьбу о прощении; подбадривание в тяжелый для адресата момент; просьбу понять говорящего, воспринять его переживания и чувства, как свои. Клише могут использоваться как неформальные мужские этикетные формулы, облегчающие коммуникацию, в том числе на неприятные темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аксенов, В. П.** Десятилетие клеветы (радиодневник писателя) / В. П. Аксенов. – Москва: Изографус, Эксмо, 2004. – 416 с.
2. **Новый словарь русского языка.** Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 2: П – Я / отв. ред. Т. Ф. Ефремова. – Москва: Рус. яз., 2000. – 1084 с.
3. **Кронгауз, М. А.** Функционирование обращений (лекция) [Электронный ресурс] / М. А. Кронгауз. – 2018. – URL: <https://www.litres.ru/series/rechevoy-etiket-vezhlivost-i-kommunikativnye-strategii-kurs-vshe-551158/> (04.01.2025).
4. **Национальный корпус русского языка.** – URL: <https://ruscorpora.ru> (04.12.2024).
5. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 4 изд., дополненное. – Москва: ООО Темп, 2006. – 938 с.

6. **Фуфаева, И. В.** История появления в русском языке дружеских обращений *старина* и *старик* / И. В. Фуфаева // Слово.ру: балтийский акцент. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 108–117.

7. **Фуфаева, И. В.** «*Старик, ты гений!*» Об одном языковом средстве выражения одобрения / И. В. Фуфаева // Культура и текст. – 2022. – № 1(48). – С.166–176.

8. **Шмелев, А. Д.** Парадоксы адресации / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва: Индрик, 2012. – С. 135–148.

REFERENCES

1. **Aksenov, V. P.** Desyatiletie klevety (radiodnevnik pisatelya) / V. P. Aksenov. – Moskva: Izografus, Eksmo, 2004. – 416 s.

2. **Fufaeva, I. V.** Istoriia poiavleniia v russkom iazyke družeskih obrashchenii starina i starik / I. V. Fufaeva // Slovo.ru: baltiiskii aktsent. – 2020. – Т. 11. – №.4. – С. 108–117.

3. **Fufaeva, I. V.** «Starik, ty genii!» Ob odnom iazykovom sredstve vyrazheniia odobreniia / I. V. Fufaeva // Kul'tura i tekst. – 2022. – №.1 (48). – С. 166–176.

4. **Krongauz M. A.** Funkcionirovanie obrashhenij. Lecture. – URL: [https://www.litres.ru/series/rechevoy-etiket-vezhlivost-i-kommunikativnye-strategii-kursvshe-551158/\(04.01.2025\)](https://www.litres.ru/series/rechevoy-etiket-vezhlivost-i-kommunikativnye-strategii-kursvshe-551158/(04.01.2025)).

5. **Natsional'nyi korpus russkogo iazyka.** – URL: <https://ruscorpora.ru> (04.12.2024).

6. **Novyj slovar' russkogo iazyka.** Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. V 2 t. T. 2: P–Ya / отв. red. T. F. Efremova. – Moskva: Russkij yazyk, 2000. – 1084 s.

7. **Ozhegov, S. I.** Tolkovyj slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. – RAN. Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova, 4 izd., dopolnennoe. – Moskva: OOO Temp, 2006. – 938 s.

8. **Shmelev, A. D.** Paradoksy adresacii / A. D. Shmelev // Logicheskij analiz iazyka. Adresaciya diskursa / отв. red. N. D. Arutyunova. – Moskva: Indrik, 2012. – С. 135–148.